

Научная статья

Фольклористика

DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1342

EDN: RLVIZG

УДК 398

АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ ПИГИН

доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела русского фольклора
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ведущий научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммархивом) Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-9306-1421; av-pigin@yandex.ru

ФОЛЬКЛОР В ИССЛЕДОВАНИЯХ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА МАЛЫШЕВА: К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

А н н о т а ц и я . Владимир Иванович Малышев – выдающийся археограф, исследователь рукописной книжности, создатель Древлехранилища в Пушкинском Доме, которое носит его имя. Археографическая деятельность Малышева неоднократно становилась объектом изучения, но предложенный в статье анализ вклада ученого в фольклористику предпринимается впервые. Актуальность исследования обусловлена интересом современной филологии к истории российской фольклористики. Материалами для статьи послужили публикации Малышева, его неопубликованные записные книжки, а также воспоминания о нем его коллег и друзей. В круг интересов Малышева входили прежде всего тексты классического фольклора – былины, баллады, песни, предания, пословицы. В течение долгих лет ученый собирал устные предания о протопопе Аввакуме и его товарищах по пустозерской ссылке. Эти тексты интересовали его как исторические источники для реконструкции утраченных фактов их биографий. Записные книжки Малышева содержат тексты преданий, пословиц, частушек и анекдотов, которые были зафиксированы им во время экспедиций, а в последние годы жизни – в Удельном парке Ленинграда. Фольклорные тексты привлекали внимание ученого и как источники литературных произведений. В книге, посвященной Повести о Сухане (XVII век), им был предпринят текстологический анализ всех известных записей былины о Сухане (Сухмане), которая легла в основу этого древнерусского сочинения. В статье публикуются три фольклорных произведения, записанные Малышевым во время его экспедиции на Печору в 1934 году и изданные им в малодоступной газете «За пролетарские кадры».

К л ю ч е в ы е с л о в а : В. И. Малышев, протопоп Аввакум, фольклористика, археография, былины, баллады, исторические предания, пословицы, рукописная книжность, Повесть о Сухане

Б л а г о д а р н о с т и . Работа выполнена по темам Государственного задания Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Карельского научного центра РАН.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Пигин А. В. Фольклор в исследованиях Владимира Ивановича Малышева: к 50-летию со дня смерти // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 5. С. 113–120. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1342

ВВЕДЕНИЕ

Владимир Иванович Малышев (1910–1976) – выдающийся археограф, литературовед, собиратель рукописей, исследователь рукописной, преимущественно старообрядческой, книжности. Об археографической работе В. И. Малышева и о создании им Древлехранилища в Пушкин-

ском Доме написано много: здесь следует назвать прежде всего публикации А. М. Панченко [13], [14] и В. П. Бударagina [1]. Но был ли Владимир Иванович также фольклористом, какое место в его научном наследии занимает фольклор?

Открывая «Малышевские чтения» в Пушкинском Доме в 1978 году, Д. С. Лихачев охарактере-

ризовал В. И. Малышева как человека, близкого земле, как своего рода «крестьянского поэта». В. И. Малышев

«родился в небольшом провинциальном городе Наровчатке около Пензы. Но он был по типу своему представителем той деревенской культуры, которая дала России множество выдающихся деятелей культуры, и по преимуществу поэтической» [5: 263–264].

«Крестьянский поэт», при всей условности этого образа применительно к В. И. Малышеву, не мог не знать и не любить фольклор. И действительно, как вспоминал близкий друг В. И. Малышева писатель А. И. Кузьмин, «Володя любил старинные русские песни, чаще всего (в студенческие годы. – А. П.) мы пели с ним “Ваньку-ключника”»¹.

Во время своей первой поездки – в 1934 году на Печору – сбору фольклора В. И. Малышев уделил не меньше внимания, чем поиску рукописей. Три записанных им текста – баллады «Монахицы-черноризицы» («Князь и старицы»), «Девять разбойничков» и прозаическое переложение народной песни о Горе – В. И. Малышев опубликовал после возвращения из этой экспедиции в газете «За пролетарские кадры»². Исследователь сопроводил публикацию кратким предисловием:

«Данные образцы старины – часть материала, собранного мной в Печорском крае в июле-августе 1934 г. Весь труд по сбору фольклора посвящаю академику Александру Сергеевичу Орлову, чуткое отношение которого к моей поездке сделало ее содержательной».

Местонахождение этой фольклорной коллекции неизвестно.

В ходе последующих экспедиций приоритеты исследователя изменились, и археограф начал побеждать фольклориста. Ценным источником сведений об отношении В. И. Малышева к фольклору служат его неопубликованные записные книжки, хранящиеся в нефондированной части фонда В. И. Малышева (ф. 494) в Рукописном отделе ИРЛИ РАН. Письменной фиксацией важных для него сведений и событий В. И. Малышев занимался на протяжении всей своей научной деятельности, в 1930–1970-е годы, в том числе в экспедициях. Книжки включают преимущественно факты из области археографии, библиографические заметки, адреса владельцев рукописей, наброски к будущим статьям и т. д., но встречается в них и фольклорный материал: пословицы и поговорки, в том числе со ссылкой на старообрядцев («По правде и обмануть

не грешно, – говорят старообрядцы»), образные выражения, редкие слова, услышанные В. И. Малышевым в экспедициях³. Особый интерес представляет книжка 1936 года, на первой странице которой В. И. Малышев заранее записал ее предполагаемое содержание: «А–Ж: пословицы, поговорки, поверья, слова, название предметов и т. д.; З–С: предания, сюжеты, песни, сказки и т. д.; Т–Я – разные записи личного порядка, книж. и т. д.». Преимущественно пословицами действительно заполнены шесть листов в начале книжки⁴, под буквой «З» отмечены полезные свойства растения «чернобеля» и «кротового сердца» (сердца крота), но песен, сказок и преданий в книжке нет. Постепенно В. И. Малышев убедился в том, что совмещать археографические поиски с сбором и изучением фольклора очень сложно. Планы по записыванию фольклора воплощать не удавалось, и поиск рукописей стал главным делом жизни ученого.

И все же одну разновидность фольклорных текстов – устные предания о протопопе Аввакуме, писателе XVII века, лидере старообрядческого движения, – В. И. Малышев собирал целенаправленно. В разные годы, с 1948 по 1965-й, исследователь публиковал предания, которые были записаны им в Пустозерске, Усть-Цильме, Боровске и Тобольске, то есть в тех местах, где Аввакум находился в ссылке или по пути в ссылку; публикации сопровождалось подробными комментариями В. И. Малышева [6: 243–269]. Тексты действительно представляют собой фольклорные нарративы, они были записаны В. И. Малышевым от разных лиц (их имена он перечисляет), зафиксированы им в разных вариантах, некоторые из них ранее были записаны другими собирателями (в частности, С. В. Максимовым в книге «Год на Севере»). Таковы предания о казни Аввакума и его единомышленников, различных связанных с ними предметах (например, о крестах) и конкретных локациях, подлинные исторические известия о которых не сохранились: место казни, место захоронения останков, помещения в Пафнутиевом Боровском монастыре, где находился в заточении Аввакум, и т. д.

В. И. Малышев отмечал «сказочные и эпические черты» [6: 252] Аввакума в преданиях («в сознании народа он (Аввакум. – А. П.) приобретает черты эпического героя <...> и наделяется чертами чародея» [6: 246]), но основной интерес этих текстов он видел не в их фольклорной природе, а в том, что устные истории могут быть использованы как исторические источники

для реконструкции обстоятельств жизни и смерти Аввакума. Так, рассказ о пребывании Аввакума в селе Усть-Цильма служит, по мнению В. И. Малышева, доказательством того, что протопопа действительно везли через это село в декабре 1667 года к месту ссылки в Пустозерск. В реалистическом ключе В. И. Малышев пытался объяснить знание Аввакумом дня своей смерти, предание о погребении останков пустозерских «соузников», сюжет о кресте, который якобы изготовил Аввакум незадолго до смерти и нес на своих плечах к месту казни. Некоторые сведения из устных преданий В. И. Малышев включил также в составленную им «Летопись жизни протопопа Аввакума» [б: 339, 358, 371].

Приходится признать, что такой миметический подход к устным преданиям расходится с представлениями фольклористов об этом жанре. В. И. Малышев не вполне учитывал специфику фольклорной поэтики, существование устойчивых, повторяющихся мотивов и нарративных моделей, которые хотя и связаны с исторической действительностью, все же не столь прямо. Так, современный фольклорист узнает в преданиях об Аввакуме мотивы, характерные для народной агиографии, народных эсхатологических представлений, фольклорных преданий об исторических лицах⁵.

Ценность публикаций В. И. Малышева заключается прежде всего в фиксации и систематизации устных преданий об Аввакуме. Несомненно, прав исследователь и в том, что эти предания являются живой памятью об Аввакуме в местах его пребывания, главным образом у старообрядцев, спустя несколько столетий после его гибели.

Другое важное направление научной деятельности В. И. Малышева, связанное с фольклором, заключается в изучении им фольклорной основы некоторых древнерусских произведений, прежде всего повестей. В 1956 году В. И. Малышев защитил кандидатскую диссертацию⁶ и опубликовал монографию, посвященную рукописной повести XVII века о богатыре Сухане, победившем татарское войско [9]. Единственный известный сегодня список повести был найден самим В. И. Малышевым в 1948 году: в настоящее время он хранится в Древлехранилище Пушкинского Дома в собрании Отдельных поступлений (Р. IV, оп. 23, № 39). Поскольку Повесть о Сухане представляет собой литературную переработку былины о Сухане (Сухмане), основная задача исследователя заключалась в том, чтобы установить непосредственный источник литературного текста, сопоставив повесть со всеми

известными записями былины. В. И. Малышев привлек к изучению 23 записи былины и две записи исторической песни о Сухмане, причем некоторые записи ранее не были опубликованы, хранились в архивах. В поисках этих записей В. И. Малышеву помогал его близкий друг К. В. Чистов, предоставивший ему для изучения три текста из архива Карельского филиала Академии наук СССР [9: 147–148]. Разыскания записей были настолько тщательными, что и спустя 60 лет, при подготовке в Пушкинском Доме былинных томов «Свода русского фольклора» перечень текстов былины о Сухмане удалось дополнить только двумя, причем оба они были зафиксированы уже после завершения В. И. Малышевым его исследования⁷.

В первой главе книги приводится подробный текстологический анализ фольклорных текстов. Еще до В. И. Малышева было установлено, что былина о Сухмане существует в двух сильно отличающихся друг от друга версиях: северной (основной) и алтайской, известной только по одной записи, сделанной Д. П. Соколовым в 1860 году от нищего старика в Барнаульском горном округе. В северной версии изображен острый социальный конфликт: Сухман побеждает татар, князь Владимир не верит ему и сажает его в темницу; когда правда выясняется, князь пытается загладить свою вину перед богатырем, но тот в знак протеста кончает жизнь самоубийством. В алтайской версии этого конфликта нет: Сухан побеждает татар, но получает в бою «три раны сердечные», князь Владимир находит раненого богатыря, везет его в Киев, но Сухан умирает. В Повести о Сухане также нет конфликта богатыря с князем, в целом она близка сюжету алтайской записи. По мнению В. И. Малышева, алтайский вариант является более древним, нежели северный, а сама Повесть о Сухане, созданная служилым человеком XVII века, запечатлела представления о воинском подвиге как о «государевом деле», неотделимом от мысли об отечестве [9: 85]. В этой связи можно понять, почему свою книгу В. И. Малышев, участник Великой Отечественной войны, посвятил памяти своего брата Николая, «павшего в 1941 году при защите южных рубежей нашей Родины» [9: 3].

Защита диссертации В. И. Малышева стала заметным событием в научной жизни Ленинграда 1950-х годов. Диссертационное дело включает четыре отзыва на диссертацию (научного руководителя В. П. Адриановой-Перетц, руководителя древнерусского отдела ИРЛИ

Д. С. Лихачева и оппонентов А. М. Астаховой и Н. К. Гудзия), а также 11 отзывов на автореферат (В. В. Кускова, Л. Н. Пушкарева, В. Ф. Ржиги, А. Н. Робинсона, К. В. Чистова, В. И. Чичерова, Н. В. Водовозова, М. Н. Тихомирова и других)⁸. Практически во всех отзывах содержится мысль о том, что исследование В. И. Малышева является значимым не только для литературоведения, но и для фольклористики. По утверждению Н. К. Гудзия, более точно суть диссертации передавало бы название «Былина и повесть о Сухане»⁹. А. М. Астахова отмечала, что наблюдения автора диссертации

«могут быть полезны и в изучении всех имеющихся сейчас так называемых “старинных записей былин”, среди которых видим различные типы пересказов, от действительно очень близкой передачи устно-поэтического произведения до разных случаев литературных обработок»¹⁰.

Однако А. М. Астахова и Н. В. Водовозов не согласились с выделением особой алтайской версии былины и выводом В. И. Малышева о генетической зависимости от нее Повести о Сухане.

Интерес у фольклористов вызвала и монография, посвященная Повести о Сухане. В 1957 году были опубликованы две рецензии на нее – Б. Н. Путилова [16] и В. Я. Проппа [15]. Оба рецензента оценили работу высоко. Б. Н. Путилов отметил, в частности, что книга В. И. Малышева является «наиболее полным и значительным исследованием былины о Сухмане» [16: 216]. В. Я. Пропп писал:

«На настоящем своем этапе современная фольклористика больше всего нуждается именно в строгих монографиях по отдельным памятникам народной поэзии, создаваемых во всеоружии материала и метода. Такой является монография В. И. Малышева» [15: 350].

Но при этом ученый поставил под сомнение вывод автора о большей древности алтайской версии былины по сравнению с северной. Размышления В. Я. Проппа близки тем замечаниям, которые сделали А. М. Астахова и Н. В. Водовозов.

Определенный интерес для фольклористики представляют публикации В. И. Малышева, посвященные также другим рукописным памятникам. В 1949 году в приложении к своему отчету о командировке в Усть-Цильму В. И. Малышев опубликовал найденную им неизвестную повесть XVIII века «Чудо святого Николы, чудо еже о быке». Исследователь прокомментировал содержание этого местного сочинения и отметил в нем «элементы фольклора и языческого

обряда» [8: 477]. Развивая идеи В. И. Малышева, Т. С. Канева более подробно осветила связи этого произведения с фольклорными традициями края и представила его как «своего рода фрагмент общекультурного текста печорских старообрядцев» [3]. В статье о «Сказании о киевских богатырях» В. И. Малышев опубликовал неизвестный список этого сочинения, связанного, как и Повесть о Сухане, с героическим эпосом [7]. В статьях «Стихотворная параллель к “Повести о Горе и Злочастии” (стих “покаянный” о пьянстве)» [11] и «Стих “покаянный” о “люте” времени и “поганных” нашествиях» [10] он исследовал рукописные сборники покаянных стихов XVII–XVIII веков. Фольклор является здесь необходимым научным контекстом: эти сборники, как писал В. И. Малышев, «привлекали к себе внимание исследователей... фольклора», в частности Петра Бессонова, издателя собрания народных стихов «Калики перехожие» [11: 142]. В обзорах рукописей В. И. Малышев отмечал сочинения, которые могут быть интересны фольклористам¹¹. Работая с письменными памятниками, ученый рассматривал их как часть живой традиции, народной духовной культуры в целом.

Интересовался В. И. Малышев и фольклором городским, порой весьма фривольного, «срамного» содержания. Как вспоминал А. М. Панченко, в последние годы жизни В. И. Малышев любил гулять в Удельном парке, «хаживал непременно с записной книжкой, куда попадали частушки, деревенские и “мещанские” анекдоты, острые словечки и образчики того жанра, который фольклористы обозначают как “слухи и толки”» [14: 272]. Действительно, в Удельном парке по выходным дням собирались желающие попеть и поплясать под гармонь, здесь исполняли частушки, рассказывали анекдоты. В записных книжках В. И. Малышева 1970-х годов содержатся, например, анекдоты о В. И. Чапаеве («В. И. докладывают, что Митьку с триппером привезли. В. И.: Митьку отпустить, триппер доставить в штаб»; «Тов. Чапай, белые позади! <В. И.>: Марш вперед!» и др.) и частушки:

«Ай, Ванюшка, ах, Ванюшка, у тебя рубашка новая, поработаешь в колхозе, будет пузо голое», «Познакомилась с милёнком, оказался он шофёр. Я к нему со всей душой, а у него не работает стартёр»; «Я к нему передком, а он ко мне грудью. А мне надо, чтобы шел со своим орудием».

Такие тексты В. И. Малышев определял как «удельническую похабщину». В записных книжках В. И. Малышева их немного, но все же они

свидетельствуют о его интересе к народной устной культуре в различных ее формах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует еще раз отметить, что проявленный в начальный период научной деятельности В. И. Малышева интерес к собиранию классического фольклора рано уступил место изучению древнерусской и старообрядческой книжности. К фольклору В. И. Малышев обращался прежде всего как к источнику исследуемых им литературных произведений и историческому источнику для реконструкции утраченных сведений о старообрядческих деятелях XVII века – о протопопе Аввакуме и его «соузниках». Остается сожалеть, что в свои археографические экспедиции В. И. Малышев не брал профессионального

фольклориста – наши знания об устной традиции Русского Севера могли бы быть гораздо богаче.

В приложении помещаем три фольклорных текста, записанных В. И. Малышевым в Печорском крае (в Пустозерске и дер. Устье) в 1934 году. Опубликованные в малодоступной газете «За пролетарские кадры», они, насколько нам известно, не были позднее переизданы и не обратили на себя должного внимания фольклористов. Представляется целесообразным по этой причине повторное введение этих текстов в научный оборот. Тексты издаются с сохранением орфографии оригинала, знаки препинания поставлены в соответствии с правилами пунктуации, деление на строки в оригинале отсутствует, осуществлено публикатором, пропущенные буквы восставлены в угловых скобках.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Монашицы-черноризицы¹²

Как женился князь да во двенадцать лет,
Уж он взял княгиню девяти годов,
Уж он жил с княгиней ровно три года,
Ровно три года, ровно три месяца.
На четвертый год да князь гулять пошел.
И гулял-то князь ровно три года,
Равно три года, ровно три месяца.
На четвертый год да князь домой пошел.
Как навстречу князю идут старицы,
Идут старицы да две монашесцы,
Две монашесцы – черноризнецы да белокнижницы.
Уж как стал тут князь у них выпрашивать,
Стал выпрашивать да все выведывать:
«Ой вы старицы да вы монашесцы,
Черноризнецы да белокнижницы.
Вы давноль, давноль с моего двора,
С моего двора, да со княгинского,
Со княгинского да с Катеринского?
Как живет моя да молода жена,
Молода жена да свет княгинюшка да Катеринушка?»
Отвечали тут ему старицы,
Ему старицы черноризицы,
Черноризицы да белокнижницы, две монашесцы:
«Мы сей<час> идем да с твоего двора да со княгинского,
Со княгинского да с Катеринского.
Там живет твоя молода жена,
Молода жена да свет княгинюшка,
Да свет княгинюшка, Катеринушка
Ходит в тоненькой рубашечке да без летничка,
В одних тоненьких чулочках без чоботцев.
Во покой зайдешь – непорядки тут,
Непорядки тут – колыбель качат.
Во первом углу да колыбель качат,
Колыбель качат да малых деточек.
Во другой зайдешь – да не порядки (*sic!*) тут,
Непорядки тут – да колыбель качат,
Колыбель качат да малых деточек.
Все ключи-замки да испраломаны,
Все добры кони да исприезжаны.
Как стоят они да поколен в грязи,

Они пьют воду да все навозную,
Они едят травы да весе осотливые».
Тут садился князь да на добра коня,
И поехал князь да сломя голову
К своему двору да ко княгинскому,
Ко княгинскому да Катеринскому.
Подъезжает князь к своему двору,
К своему двору да ко княгинскому,
Ко княгинскому да Катеринскому.
Выбегает к нему да молода жена,
Молода жена да свет княгинюшка,
Свет княгинюшка да Катеринушка
В одной тоненькой рубашечке да без летничка,
В одних тоненьких чулочках да без чоботцев.
Как схватил тут князь да саблю острую,
Он уж ссек сказнил буйну, буйну голову
Да молодой жены, молодой жены свет княгинюшки,
Свет княгинюшки да Катеринушки.
Во покой зашел – непорядков нет,
Колыбели нет да малых деточек.
Тут стоят пела да золоченая,
Уж не столько шита, сколько плакана,
Все князя домой да дожидано.
Во другой зашел – да колыбели нет,
Колыбели нет да малых деточек.
Тут стоят пела да золоченная,
Уж не столько шита, сколько плакана,
Все князя домой да даждано.
Все ключики-замки да не испроломаны,
Золота казна да не истрачена,
Все добры кони да не изъезжены,
Они пьют воду да все ключевую,
Они едят траву да все шелковую.
Тут садился князь на добра коня,
И поехал князь да сломя голову.
Дагонил тут князь этих старицей,
Этих старицей да две монашесцы,
Две монашесцы черноризицы,
Черноризицы да белокнижницы.
Уж он ссек сказнил им буйны головы.

От горя бегом, а оно все передом¹³

Жил был мужичек по прозвищу Дух. Всю жизнь он с нуждой боролся. Вот однажды продал он рыбу и так хорошо, что крикнул: «Прощай, горе-нужда; здравствуй, богатество». Пришел он домой, а горе у него уже в перед-

нем углу сидит. Поставил мужик бутылку вина на стол: «Ну, жена, заживем». А она говорит: «Коровушка-то у нас ушла». Вот горе-то его и встретило. И пошло с тех пор, – от горя бегом, а оно все передом.

Девять разбойничков¹⁴

Во славном во городе во Киеве,
У ласкового князя Володимира
Тут жила-была молода вдова,
Молода вдова Амельфа Тимофеевна.
Еще было у вдовушки девять сыновей,
А десятая красно-девица.
Еще все братья сестричку возлюбили.
После этого быванья
Братья во разбой пошли да разбойничать.
После этого добыванья
Матерь дочь вырастила, замуж выдала
За того гостя за морянина.
Увез ее морянин во моряночки.
Они год живут да и другой живут,
Они прижили себе мало детище.
Задумала моряночка в гости ехать
На родимую стороночку, на любимую.
Они день едут, они другой едут.
И пристигла их темна ноченька.

Они раскинули шатер бело-полотнянный,
Привязали коня ко белу шатру
И насыпали пшена белоярого.
Они попили, поели, сами спать легли.
И напали на них 9 разбойников.
И богоданного убили муженька,
И детятку во котле сварили,
И меня, несчастну, во полон взяли.
Один-от разбойничек не спит-лежит,
Он не спит-лежит, сам выспрашивает:
«Уж ты коего города, кой земли?»
«Уж я стольного города я Киева!
Уж я славной вдовы Амельфы Тимофеевны!»
Родимый брателько слово вымолвил:
«Уж вы гой еси, братья родимые!
Мы не малую шуточку нашутили,
Мы родимого-то зетелька убили,
Родимого племянничка во котле сварили,
Мы родимую-то сестричку во полон взяли!»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кузьмин А. И. Наш Володя (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 1. Д. 138. Л. 3).

² Малышев В. И. «Старины» Печорского края // За пролетарские кадры. 1934. 11 сент. № 16 (66). Десятидневная газета к «оллектив»ов ВКП(б) и ВЛКСМ, профкома и месткома Ленинградского историко-философского лингвистического института. См. также в приложении к наст. статье.

³ Изучением малышевских записных книжек занимается сотрудница Пушкинского Дома Т. Н. Галашева. Благодарю Т. Н. Галашеву за помощь в разыскании в них фольклорных текстов.

⁴ Приведем некоторые из них: Не в селе Селиван, ни в городе Богдан. Скоро, да не споро. Пока богатый иссохнет, бедный издохнет. Была бы крупа, и дурак суший кашу сварит. Одень пень, и тот будет хорош. Маленькая собака до старости шенок. Дальше от моря – меньше горя. Наша горница до всего охотница. Где был, там нет; где шел, там след. Не пьян, да говорят: пьян; уж лучше напьюсь да повалюсь. Дурак мыслями богат. Кошка от мышей, а баба ото вшей. Лучше сабле обломиться, нежели невинной голове отвалиться. Был бы милой по душе, проживем и в шалаше. Мужик горбом, а поп горлом. Яблоко-то румяно, да внутри червь и многие другие.

⁵ В преданиях об Аввакуме могут быть отмечены следующие мотивы, по классификации Н. А. Криничной [4]: Б8: Происхождение особенностей ландшафта, связанное с деятельностью исторических лиц; Л8: Изготовление предмета материальной культуры историческими лицами; О.1: Предсказание; Ф.6: Оставление следов пребывания в конкретной местности историческими лицами; Ф.7: Оставление памятника события в конкретной местности и др.

⁶ См.: Малышев В. И. Повесть о Сухане: (Из истории русской повести XVII века): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1956. 17 с.

⁷ Один вариант был зафиксирован на Печоре в 1956 году, другой – на Карельском берегу Белого моря в 1957 году. В. И. Малышеву осталась неизвестна также авторская обработка этого былинного сюжета, выполненная каргопольским краеведом И. И. Рудометовым, хотя возможно, что она была создана после 1956 года [2: 26, 29–30].

⁸ РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 1, № 21: Материалы о защите кандидатской диссертации В. И. Малышева. 1956 год, 58 л.

⁹ Там же. Л. 20.

¹⁰ Там же. Л. 7.

¹¹ См., например: «Занимающемуся изучением взаимосвязей литературы и фольклора, переработками народно-сказочных сюжетов небезынтересной может показаться “Повесть о купце и жене его лукавой” (из цикла “Бабы увертки”» [12: 35].

¹² Баллада, получившая широкое распространение по всей России, в Белоруссии и Украине, публиковавшаяся чаще под названием «Князь и старицы» (Народные баллады / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова; Общ. ред. А. М. Астаховой. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. С. 61–63, 382). В. И. Малышев записал текст в Пустозерске от Е. И. Шайтановой, 63 лет; от нее же были записаны предания о протопопе Аввакуме.

¹³ Прозаический вариант популярного в фольклоре сюжета, представленного преимущественно в лирических песнях и балладах, о преследовании человека Горем. Сюжет лежит также в основе древнерусского произведения

XVII века – Повести о Горе-Злочастии. Текст записан от «сказителя» Вокуева (его инициалы В. И. Малышев не указал), 78 лет, в деревне Устье недалеко от Пустозерска. В статье о пустозерских преданиях об Аввакуме, записанных в 1934 году, В. И. Малышев упомянул двух Вокуевых из д. Устье: М. Д. Вокуева и Ф. С. Вокуева [6: 248]. Согласно полученным от краеведа Е. С. Кисляковой (Нарьян-Мар) сведениям, Михаил Долматович Вокуев родился 01.11.1869 года, а Фаддей Семенович Вокуев – 17.08.1866 года. Если возраст «сказителя Вокуева» В. И. Малышев указал правильно (78 лет в 1934 году), то текст был записан от какого-то другого лица.

¹⁴ Одна из наиболее популярных эпических баллад – «Братья разбойники и сестра», известна на всей территории России, в Белоруссии, Украине и Закарпатье (Народные баллады / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова; Общ. ред. А. М. Астаховой. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. С. 124–127, 390–391). Текст записан в Пустозерске от Ф. И. Ивановой, 85 лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бударягин В. П. «Ищите – да обрящете...» (Владимир Иванович Малышев и его Древлехранилище) // Иванова Т. Г. Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 401–419.
2. Власов А. Н. Былинный контекст Повести о Сухане // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т. 35. С. 25–41.
3. Канева Т. С. Усть-цилемская «Повесть о быке» в контексте местной фольклорной традиции // Чтения по истории и культуре древней и новой России: Материалы конференции (Ярославль, Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник, 7–9 октября 1998 г.). Ярославль, 1998. С. 84–86.
4. Кричичная Н. А. Указатель типов, мотивов и основных элементов преданий. Петрозаводск: Карельский научный центр АН СССР, 1990. 28 с.
5. Лихачев Д. С. Немного о Владимире Ивановиче Малышеве (Вступительное слово к «Малышевским чтениям» 3 мая 1978 г.) // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л.: Наука, 1985. С. 262–264.
6. Малышев В. И. Избранное. Статьи о протопопе Аввакуме. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. 432 с.
7. Малышев В. И. Новый список «Сказания о киевских богатырях» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 11. С. 387–390.
8. Малышев В. И. Отчет о командировке в село Усть-Цильму Коми АССР // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 7. С. 469–480.
9. Малышев В. И. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 224 с.
10. Малышев В. И. Стих «покаянный» о «люте» времени и «поганых» нашествии // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 15. С. 371–374.
11. Малышев В. И. Стихотворная параллель к «Повести о Горе и Злочастии» (стих «покаянный» о пьянстве) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 5. С. 142–148.
12. Малышев В. И. Усть-цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1960. 214 с.
13. Панченко А. М. В. И. Малышев как археограф // Археографический ежегодник за 1977 год. М.: Наука, 1978. С. 214–218.
14. Панченко А. М. О Владимире Ивановиче Малышеве // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. С. 265–276.
15. Пропп В. Я. [Рец. на кн.]: В. И. Малышев. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. Изд. Академии наук СССР, 1956, 223 стр. // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 2. С. 348–350.
16. Путилов Б. Обретенная ценность // Звезда. 1957. № 4. С. 216–217.

Поступила в редакцию 03.02.2026; принята к публикации 18.05.2026; дата публикации 30.06.2026

Original article

Alexander V. Pigin, Dr. Sc. (Philology), Professor, Chief Researcher, Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences (Pushkinskij Dom) (St. Petersburg, Russian Federation), Leading Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-9306-1421; av-pigin@yandex.ru

**FOLKLORE IN RESEARCH CONDUCTED BY VLADIMIR IVANOVICH MALYSHEV:
 COMMEMORATING HIS 50TH DEATH ANNIVERSARY**

Abstract. Vladimir Ivanovich Malyshev was an outstanding archaeographer, researcher of manuscript books, and the founder of the Pushkin House Repository of Ancient Manuscripts, which bears his name. Malyshev's archaeological work has been the subject of numerous studies, but this is the first time that his contribution to folklore studies

has been analyzed. The relevance of this research is due to the interest of modern philology in the history of Russian folklore studies. The article is based on Malyshev's publications, his unpublished notebooks, and the recollections of his colleagues and friends. Malyshev's interests primarily focused on classical folklore genres such as epics, ballads, songs, legends, and proverbs. For many years, the scholar collected oral legends about Protopope Avvakum and his companions in the Pustozersk exile. He was interested in these texts as historical sources for reconstructing the lost facts of their biographies. Malyshev's notebooks contain texts of legends, proverbs, ditties, and anecdotes that he recorded during his expeditions and, during the last years of his life, in the Udelny Park in Leningrad. Folklore texts also attracted the scholar's attention as sources of literary works. In his book dedicated to the seventeenth-century "Tale of Sukhan", he undertook a textual analysis of all known recordings of the epic about Sukhan (Sukhman), which formed the basis for this ancient Russian text. The article includes three folklore works recorded by Malyshev during his expedition to Pechora in 1934 and published in the hard-to-find newspaper *Za Proletarskie Kadry* (*For the Proletarian Workforce*).

Key words: V. I. Malyshev, Protopope Avvakum, folklore studies, archaeography, epics, ballads, historical legends, proverbs, handwritten books, "The Tale of Sukhan"

Acknowledgements. The study was conducted as part of state research tasks assigned to the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkinskij Dom) and Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Pigin, A. V. Folklore in research conducted by Vladimir Ivanovich Malyshev: commemorating his 50th death anniversary. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(5):113–120. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1342

REFERENCES

- Budaragin, V. P. "Seek and you will find..." (Vladimir Ivanovich Malyshev and his Repository of Ancient Manuscripts). *Ivanova, T. G. The Manuscript Department of the Pushkin House: A historical essay*. St. Petersburg, 2006. P. 401–419. (In Russ.)
- Vlasov, A. N. The epic context of the "Tale of Sukhan". *Russian folklore. Materials and research*. St. Petersburg, 2016. Vol. 35. P. 25–41. (In Russ.)
- Kaneva, T. S. "The Tale of the Bull", created in Ust-Tsilma, in the context of the local folklore tradition. *Readings on the History and Culture of Ancient and Modern Russia: Conference proceedings (Yaroslavl', Yaroslavl' Historical and Architectural Museum-Reserve, 7–9 October 1998)*. Yaroslavl', 1998. P. 84–86. (In Russ.)
- Krinishnaya, N. A. Index of types, motifs, and basic elements of legends. Petrozavodsk, 1990. 28 p. (In Russ.)
- Likhachev, D. S. A few words about Vladimir Ivanovich Malyshev (opening speech for the Malyshev Readings, 3 May 1978). *Old Russian booklore: Based on the Pushkin House materials*. Leningrad, 1985. P. 262–264. (In Russ.)
- Malyshev, V. I. Selected works. Articles about Protopope Avvakum. St. Petersburg, 2010. 432 p. (In Russ.)
- Malyshev, V. I. A new copy of "The Tale of the Heroes of Kiev". *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Moscow; Leningrad, 1955. Vol. 11. P. 387–390. (In Russ.)
- Malyshev, V. I. Report on a field trip to the village of Ust-Tsilma, Komi ASSR. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Moscow; Leningrad, 1949. Vol. 7. P. 469–480. (In Russ.)
- Malyshev, V. I. "The Tale of Sukhan". From the history of the Russian tale of the XVII century. Moscow; Leningrad, 1956. 224 p. (In Russ.)
- Malyshev, V. I. The "repentant" verse about the "lethal" time and invasion of the "vile infidels". *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Moscow; Leningrad, 1958. Vol. 15. P. 371–374. (In Russ.)
- Malyshev, V. I. Poetic parallel with "The Tale of Grief and Misfortune" (the "repentant" verse on drunkenness). *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Moscow; Leningrad, 1947. Vol. 5. P. 142–148. (In Russ.)
- Malyshev, V. I. Manuscript codices of the XVI–XX centuries from Ust-Tsilma. *Sytktyvkar*, 1960. 214 p. (In Russ.)
- Panchenko, A. M. V. I. Malyshev as an archaeographer. *Archaeographic Yearbook for 1977*. Moscow, 1978. P. 214–218. (In Russ.)
- Panchenko, A. M. About Vladimir Ivanovich Malyshev. *Old Russian booklore: Based on the Pushkin House materials*. Leningrad, 1985. P. 265–276. (In Russ.)
- Propp, V. Ya. [Review of the book]: Malyshev, V. I. "The Tale of Sukhan". From the history of the Russian tale of the XVII century. USSR Academy of Sciences, 1956, 223 p. *Russian folklore. Materials and research*. Moscow; Leningrad, 1957. Vol. 2. P. 348–350. (In Russ.)
- Putilov, B. The value found. *Zvezda*. 1957;4:216–217. (In Russ.)

Received: 3 February 2026; accepted: 18 May 2026; published: 30 June 2026